

О молитве языческой и молитве христианской

Как получить просимое? Как получить желаемое? В какие слова облечь свою просьбу, чтобы ее услышали? Что сделать для того, чтобы Небо не отмалчивалось, а ответило человеку, семье, городу, нации?

Нет на земле религии, чьи учителя не искали бы ответы на эти вопросы. Кому не хотелось узнать секрет того, как овладеть искусством склонения воли богов на свою сторону? Шла ли речь о победе над врагами, о получении богатства, о власти в сенате, о выигрыше в суде или о венке на спортивных состязаниях, молитва наводила мост к богам, помогая добиться желаемого. Из глубокой древности до нас дошли тексты молитв и первые попытки рефлексии над ними.

Лишенные полноты Божественного откровения, через размышления, наблюдения и на собственной практике язычники пытались постичь тайну молитвы. Присмотримся к тому, какими представлениями о молитве они жили.

Платон (428/7–348/7 гг. до н. э.) интересен тем, что в разных произведениях выразил много пронизательных мыслей о молитве – и возносимой частным образом и публично. Осмыслению молитвы он посвятил целый диалог, которому дал название «Алкивиад II, или О молитве». Основной вопрос, занимавший философа, был такой: почему боги в одном случае даруют просимое, а в другом нет?

Философ Сенека интересен тем, что был современником Иисуса и апостола Павла. Пусть и не очень подробно, он все же затрагивает молитву в своей итоговой книге «Нравственные письма к Луцилию».

Следует сразу отметить то, что христианская концепция молитвы и языческая – это два различных взгляда на сущность молитвы. В

их основе лежат очень разные мировоззренческие парадигмы – монотеистическая и политеистическая. Первая парадигма была укоренена в Божественном откровении (рассказе), а вторая нет. Выявление существующих между ними контрастов позволит оттенить некоторые важные характеристики собственно христианской молитвы как имеющей уникальный язык и характер. Ниже следуют шесть таких контрастов, хотя на самом деле их было и остается много больше.

Контраст первый: ☐боги VERSUS Отец

Молясь, язычники и христиане обращались не по одному адресу, а по разным: первые – к богам, вторые – к Отцу: «Авва, Отче!» Обращение к Богу в форме «Отче наш» было неведомо языческому религиозному сознанию. Обожествление земли-Матери и молитвы ей, как и обожествление других стихий мира – ветра, огня, воды, солнца, принесение им жертв, молитв и приношений, – все это было нормой в языческой религии. По их представлениям, между богами и людьми не было той сердечной близости, которую в Своем учении и на примере собственной жизни раскрыл Иисус. Согласно христианскому учению, возвращение человека в семью Божью достигалось духовно, благодаря Духу, названному апостолом Павлом «Духом усыновления» (*Библия. Римлянам 8:15*). Язычники же так не мыслили и так не верили. В частности, Платон говорил о том, что Творец вселенной был Отцом для других богов, но не для людей: «Творца и Отца этой вселенной открыть трудно, да и открыв, объяснить его всем невозможно [...] Родивший эту вселенную вещает им: “Вы, боги, божье племя!”» («Тимей, или О природе»).

Нельзя сказать, что языщикам совершенно были чужды мысли о существовании верховного бога и отца всех людей. Они допускали мысль о том, что были рождены богом и потому сопричастны его природе. На интеллектуальном уровне они даже допускали возможность родства с богом. Как учил стоик Эпиктет (ок. 50–138 гг. н. э.), «родства с Цезарем или кем-нибудь другим из могущественных людей в Риме достаточно, чтобы можно было

проводить жизнь в безопасности, не пренебрегаемыми, не боящимися ничего, а что бог – наш создатель, отец, опекатель, это уже не избавит от печалей и страхов?» («Беседы Эпиктета», 1, 9). Но вот что язычникам было неведомо, так это образ Бога-Отца, который был так убедительно открыт в учении Иисуса. Как писал Розанов, «что же такое молитва, как не исчерпывающее отношение дитяти-человека к Богу!» («Апокалипсис нашего времени»).

В размышлениях философов не чувствуется той теплоты, которой пронизаны рассказы Иисуса о том, каков Его Отец и как Он любит людей. Религия языческих философов была религией интеллектуалов, в сути своей лишенной самого главного последовательного рассказа о том, каков же на самом деле Бог. Христианство, напротив, именно это и предлагало: рассказ о Боге и Его любви, подтвержденной крестным подвигом Его Сына Иисуса Христа.

Идея боговоплощения и рожденная ею возможность для возвращения человека в семью Небесного Отца была одной из самых антиязыческих, какую только можно было себе помыслить. Если язычники смотрели на тело человека как на темницу души (Платон), как на бремя, кару, «темное и унылое жилище», как на цепь, сковавшую человеческую свободу (Сенека, письмо LXV), как на груз и «мерзкую зловонную утробу» (письмо CII), как на лачугу и убожество (письмо LXV), что общего, думали они, могло иметь тело с богами, чья жизнь не была отягчена ничем телесным и мрачным? Идея «Слова, ставшего плотью», была шоком и философской дерзостью для языческого слуха и ума. Однако религия, которая предложила миру такое Слово, изменила и характер молитвы. Отныне молитва «во имя Христа» как Сына Божьего и Сына Человеческого была молитвой Отцу, Который не по ту сторону от человека, а по эту; молитвой к Богу, Который не борется с человеком, а спасает его; молитвой к Богу, Который «за нас» и потому обезоруживает всех, кто против нас (Библия. Римлянам 8:31).

Когда Иисус учил Своих последователей молиться Богу как Отцу, Он фактически приобщал их к Своей богочеловеческой жизни: «Мой Отец – это и ваш Отец, и Мой Бог – это и ваш Бог. Мы – родные друг другу». Это краеугольный камень, положенный Иисусом в основание молитвы как главной религиозной практики христиан. Миссия, чтобы открыть людям Небесного Отца, была для Иисуса настолько основополагающей, что только ею и можно объяснить радикальность Его призыва: ««Отцом» своим никого на земле не зовите, ибо один лишь Отец у вас Небесный Отец» (Библия. От Матфея 23.9; ИПБ). Какой контраст с утверждением Платона, согласно которому «люди в большей своей части куклы и лишь немного причастны истине», поэтому жить надо играя, а играя, «снискать милость богов и прожить согласно свойствам своей природы» («Законы, или О законодательстве»).

Играют ли боги людьми, как дети играют игрушками, или Бог-Отец любит и принимает Своих детей – по этой линии проходил Один из важнейших водоразделов между двумя теологиями молитвы. Это породило глубокий кризис языческого мировоззрения, создало вакуум, который не мог быть заполнен чем-то иным, кроме учения о Боге как о милосердном Отце. Именно этому Иисус посвятил самые проникновенные и поныне не оставляющие равнодушными слова Своего учения о Боге. Просящим у Него хлеба Бог не подаст камень, как и просящим рыбы не подаст змею (Библия. От Луки 11:11). У такого Бога нет «ночного покоя», когда бы Он спал и отказался помочь взывающим к Нему о хлебе (От Луки 11:5–10). Бог, Чей подлинный характер открывал людям Иисус, – это Небесный Отец, охотно дающий Святого Духа просящим у Него (От Луки 11:13). О таком даре язычники не слышали, не знали и даже не помышляли, потому что Бог еще не открыл им Себя как Небесный Отец. Они еще не понимали того, что Бог есть Дух (Библия. От Иоанна 4:24), передающий Себя людям духовно. Им еще предстояло понять и вкусить то, что вместе с предложением им дара Святого Духа Бог вдыхал в них новую жизнь и открывал им возможность для нового рождения как рождения свыше (Библия. От Иоанна 3:1–10).

Восторг, который всегда сопровождает обращение чуткого сердца к Богу как Небесному Отцу, не был знаком языческому религиозному сознанию, потому что ему был неведом опыт рождения в человеке нового, духовного естества, перводанного по своим главным качествам. Настолько блистательно этот восторг выразил немецкий теолог XX века Иоганнес Мюллер, что я не могу не привести довольно пространную цитату из его книги «Нагорная проповедь»:

«Отче наш, сущий на небесах!

Сколько ликующего счастья в этом возгласе! Мери его может знать только тот, кто испытал это чувство... Мы произошли от Него, и то, что возникает в глубинах нашей души, лучи Его сущности. Мы всецело принадлежим Ему, Он наш Небесный Отец, ведь Он первоисточник зарождающегося в нас перводанного естества. Наше страстное желание обрести это естество, достичь совершенства и исполнить свое предназначение – вот что делает нас подобными Ему. А как же иначе, ведь мы Его дети, рождены Им, потому что мы – Ищущие и не успокоимся, пока напор Его жизни не исполнится в нас. Мы чувствуем биение Его пульса. И чтобы разрядить напряжение переполняющих нас чувств, мы восклицаем: «Отче наш!»

Но кто способен выразить словами все, что заключено в этом возгласе? Дневное сознание подавляет нас, но когда приходим мы к ощущению Бога как нашего Отца, нам после ночного мрака вдруг открывается целый мир, утопающий в сиянии Его славы; приходит ясное понимание смысла Бытия, ибо это Он лучится в глубинах правды нашего Я и пронизывает Своим светом всю нашу жизнь; появляется чувство абсолютной защищенности, ибо в руках Отца мы чувствуем себя уверенно; и наступает блаженство рая, ибо мы вновь обрели Его, вернувшись в сферу Его жизни. «Отче наш, сущий на небесах!» – ликуя, восклицаем мы, ибо небеса для нас на земле...

И этот ни с чем не сравнимый звук пробивающегося в нас Божественного начала станет камертоном всего бытия лишь

там, где человек через непостижимое внутреннее волнение поиска пришел к ясному переживанию Бога, где Бог открылся жаждущим сердцам в Христе и этим возгласом, полным созидательной силы, пробудил к жизни перводанное естество. Назвать Бога Отцом можно только через Христа. Только увидев Его, мы сумеем заглянуть и в сердце нашего Отца, сущего на небесах, и, став через Иисуса зрячими, избавимся от того смятения чувств, которое притупляет наше восприятие Бога, затуманивает реальный мир и скрывает от нас его правду. И тогда все предстанет перед нами в сиянии света нашего Отца, сущего на небесах (*«Нагорная проповедь»*, с. 105–107).

Контраст второй: возжелать своего VS возжелать Божьего

Ни Христос, ни Его апостолы не озадачивались тем, почему Бог в одном случае дарует просимое, а в другом нет. Среди многочисленных вопросов, с которыми люди обращались к Иисусу за разъяснением, Четвероевангелие не сохранило ни одного, относящегося к этой загадке. Однако это главный вопрос в рассуждениях Платона о мотивах такого поведения богов.

Вероятное объяснение этой загадки языческий философ видел в том, что далеко не каждый человек понимает, что считать благом. Отсюда, замечает он, по неведению, «доверяясь кажимости», люди вымаливают себе величайшее зло, хотя поначалу думали о нем как о величайшем благе. Для таких людей молитва оборачивается проклятьем. Например, говорит философ, некоторые вымаливают себе детей, а когда получают просимое, уже не радуются тому, потому что дети вырастают растленными натурами, от которых больше горя, зла и бесчестия, нежели радости и славы.

В уста Сократу Платон вкладывает такую молитву: «Владыка Зевс, даруй нам благо, даже без нашей просьбы; не даруй нам зла, даже по нашей просьбе». Очень созвучно следующей молитве: «Да будет воля Твоя, а не наша, потому что мы не знаем, что для нас лучше». Но Иисус не учил молиться по-

философски.

В центре Его учения о молитве находится не то, что людям надлежит делать для получения просимого, а то, о чем вообще нужно просить. Судя по молитве «Отче наш», просить нужно и о небесном, и о земном. К небесному относится обретение Бога Отцом (об этом говорят Его имя, Царство и воля); к земному относится обретение первостепенных благ – как духовных (прощение грехов и избавление от дьявола), так и материальных (хлеб насущный). После вознесения такой молитвы спрашивать о том, почему один получает эти блага, а другой нет, неуместно, потому что во Христе эти блага с избытком даются всем, кто о них просит.

До своей первой встречи с христианами язычники этого не знали и не могли знать. В вульгарной версии их религии их просьбы были путаными, что признавал Сенека, когда говорил: «Дурное мы любим как хорошее, одной молитвой опровергаем другую. Желания у нас в разладе с желаниями, замыслы – с замыслами» (*письмо XLV*). Такая сумятица полная противоположность тому, о чем учил молиться верующих Иисус, когда предложил им молитву «Отче наш»: не свое имя, не свое царство и не свою волю утверждать, а Божьи. Хотя разочарование в перечисленных благах и встречается у Сенеки («природа обыскивает нас при выходе, как при входе», *письмо CII*), прощение и избавление от дьявола вообще не значатся ни у него, ни у Платона. Даже хлеба язычники просили себе для зрелищ, а не как необходимость для исполнения воли Божьей «на земле» и в «сей день». Впрочем, хотя Платон верно подмечает, что все зависит от понимания того, что считать высшим благом, он признает, что у молящихся лежит на глазах пелена мрака, отчего они и не понимают, как им молиться. А не понимают они этого из-за того, что еще не пришли к познанию добра и зла. Но они ждут, говорит Платон, что наступит день, когда придет некто, способный снять эту пелену мрака. Кто этот некто, философ не знал и, вероятно, знать не мог. В своих рассуждениях о богах он

подошел к определенной черте и признал: «не следует искать что-либо дальше этой черты» («Тимей, или О природе»).

Очевидно, что великому философу было просто неизвестно то, что пелена мрака снимается Христом. Не понимал он и того, что высшим благом является Сам Бог или, по уточняющим словам Христа, дар Святого Духа (Библия. От Луки 11:13). Христос учил: «Просите – и дано будет вам; ищите – и найдете; стучитесь – и вам отворят. Всякий, кто просит, получает, кто ищет, находит, и тому, кто стучится, отворяют» (От Луки 11:9, 10; ИПБ). О чем же здесь говорит Иисус, как не о Святом Духе, Которого даст Небесный Отец тем, кто просит у Него? (От Луки 11:13).

Важно заметить, что дар, обещанный Христом, был получен не только иудеями, но и язычниками. Те, кто просил, кто стучался и кто искал, наконец-то получили то, чего им так не хватало, – Святого Духа. Принятие Слова Божьего в виде спасительного Христова Евангелия, отклик веры на благодать Божью суть убедительные признаки получения человеком дара Святого Духа. Это откровение совершенно меняет характер молитвы. Кроме того, призыв Христа искать прежде Царствия Божия и правды его (Библия. От Матфея 6:33) вполне можно отнести и к молитве: просить о Царстве как о чем-то первоочередном и не путать его с вещами второстепенными, которые и так «приложатся». Высшее благо – в Царстве Небесном.

Похоже, в отличие от язычников христианам не к лицу недоумевать по поводу того, почему Бог одному отвечает так, а другому иначе. Вполне понятно желание человека «уловить» Божественное в некую предсказуемую поведенческую схему, чтобы потом знать, как ею пользоваться по своему усмотрению. «Приручить» Бога и обращаться к Нему, как за волшебной палочкой, – не в этом ли тайная мечта человеческого сердца? Но это ошибочная установка. Бог бесконечно выше человека и открывает Себя тем, у кого чистое сердце, а не тем, у кого любопытный ум.

Источник – aktsent.info